

ISSN 0869-60

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1998 **I**

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Палагута И.В. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья	5
Гусев С.А. К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры	15
Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвечинская Е.А. Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присарыкамьшской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов	29
Отрощенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника	43
Гутнов Ф.Х. Социальная история скифов Северного Кавказа	54
Буйских А.В. Еще раз о херсонесском гекаторюге	65
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности	71
Цоль-Адамикова Х. Наземные погребения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников	84
Мазуров А.Б. Основные итоги археологического изучения Коломны	91

Публикации

Чубур А.А. Верхнепалеолитическая стоянка Быки на Сейме (предварительное сообщение)	107
Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья	117
Сидоров В.В., Энгватова А.В. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера	126
Фролова Н.А., Савостина Е.А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва?	140
Мошьева О.Н. Гагатовые бусы в сарматских погребениях Нижнего Поволжья III-I вв. до н.э.	156

Заднепровский Ю.А. Городище Мады (некоторые итоги историко-археологического изучения)	162
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Кирьянова Н.А. Палеоботанические материалы из Белозерья: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси	175

Критика и библиография

Клейн Л.С. Археологическая культура: теоретический анализ практики (вместо рецензии)	187
Сидоров В.В., Цетлин Ю.Б. Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М., 1991	194
Жилин М.Г., Козловская М.В. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы. М., 1996	199
Смирнов К.А. Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1995	201
Малышев А.А. <i>Madrider Mitteilungen</i> . N 32, 1991, Mainz; <i>Madrider Mitteilungen</i> . N 33, 1992, Mainz	203
Уткин А.В. <i>Vasks A. Brikulu nocietinātā apmetne: Lubāna zemiene vēlajā bronzas un dzelzs laikmetā (1000. g. p. Kr. – 1000. g. p.ē. Kr.)</i> . Riga, 1994	209
Даркевич В.П., Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995	212
Седов В.В., Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996	220

Хроника

Моця А.П., Чернецов А.В. К 60-летию Петра Петровича Толочко	225
Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А.Д. Мачинской в Староладожском музее-заповеднике	227
Потемкина Т.М., Косарев М.Ф., Юревич В.А. "Археoaстрономия: проблемы становления" (Международная конференция. Москва, 1996)	230
Зиливинская Э.Д. Первый англо-российский археологический семинар "Проблемы фиксации в археологии" (Борнмут, 1997).....	239
Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Светланы Алексеевны Яниной (1924–1997)	242
Седов В.В. Памяти Эльвиры Давыдовны Шноре (1905–1996)	245
Александров А.А., Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Лесман Ю.М., Овсянников О.В., Плетнева С.А., Плоткин К.М. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997)	247

И.Л. КЫЗЛАСОВ

МАТЕРИАЛЫ К РАННЕЙ ИСТОРИИ ТЮРКОВ

II. ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПИСЬМЕННОСТИ

Проблема первого появления и распространения письменности у тюркоязычных народов сегодня не может быть разрешена наукой. Но она постоянно ставилась и ставится специалистами разных гуманитарных дисциплин. Обойти ее вниманием совершенно невозможно – слишком важна эта тема в деле определения культурного уровня любого общества древности и средневековья¹.

На почве твердых фактов вопрос ныне сводится к началу и условиям применения средневековыми тюрками так называемого рунического письма. Самые ранние датированные его памятники относятся к VIII в. Но остается неизвестным, где и когда появилось степное руническое письмо. Вполне оправданы, как мы увидим, далее, попытки отыскать тюркоязычные надписи в эпохах более древних. Однако вести эти поиски следует, не выходя из сферы научного знания.

1. О поисках древнейших следов грамотности тюрков

Особо настойчивы стремления отыскать тюркоязычные надписи в древностях раннего железного века. Однако материалы для этого привлекаются без серьезных обоснований.

Знаменитая надпись на серебряной чаше из Иссыкского кургана IV в. до н.э.² отнесена к тюркским рунам лишь потому, что выполнена прямолинейными резными знаками, демонстрирующими несвязное и нескорописное написание (Аманжолов А.С., 1971; 1975, с. 48–52; 1985, с. 31–39). Но письменностей, отличающихся подобной техникой, в древности и средневековье было множество. Иссыкские знаки не имеют никакого системного сходства с письменами, известными как тюркские руноподобные алфавиты. Основывать их прочтение на поверхностном подобии отдельных элементов этих букв орхонским или енисейским рунам (как это было сделано) нельзя. Бесперспективность подбора внешних аналогий для прочтения неизвестных письменных знаков доказана долгим бесплодным периодом дешифровки енисейских рунических надписей, длившемся с 1721 по 1893 г. Лишь когда В. Томсен и В.В. Радлов занялись постижением внутренних особенностей азиатских рунических текстов, было понято звуковое назначение их знаков.

Надпись на иссыкской чаше принадлежит к архаичной форме неизвестного письма³.

¹ "Российская археология" продолжает публикацию критически рассмотренных материалов, позволяющих получить твердые данные о ранней истории и культуре тюркоязычных народов. Начало цикла см. в № 3 за 1996 г. Настоящая статья о письменности публикуется двумя частями – в этом и следующем номерах журнала. В тексте памятники енисейского письма обозначаются сокращенно: Е, порядковый номер текста (см.: Малов С.Е., 1952; Древнетюркский словарь, 1969; Васильев Д.Д., 1983), номер строки.

² Лучшая ее публикация (Акишев К.А., 1978, с. 54, фото 70) показывает, что в прорисовку (Акишев К.А., 1978, с. 55, рис. 71) включено много царапин, не относящихся к письменным знакам. Вероятно, не пишено этих недостатков и более точное ее воспроизведение А.С. Аманжоловым (Аманжолов А.С., 1985, рис. 8).

³ Ср. коллективное мнение об иссыкской надписи И.М. Дьяконова, В.А. Лифшица и С.Г. Кляшторного: Акишев К.А., 1978, с. 59, 60).

По данным В.А. Лифшица, оно было распространено на территориях современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вплоть до VI–VII вв. н.э. и некогда служило одной из трех официальных письменностей Кушанского царства. Ко времени публикации сакского кургана уже было известно не менее шести надписей, выполненных этим письмом (Лифшиц В.А., 1976, с. 165, 166 прим. 14; 1978, с. 84–87; ср.: Дьяконов И.М., 1979, с. 224, прим. 73а).

Лишь игрой воображения вызвано восприятие в качестве древнетюркской рунической надписи полустертого вырезанного на кости изображения оленя из бобровского кургана V–IV в. до н.э. (Аманжолов А.С., 1965; 1967). Это ясно каждому археологу знающему "скифский" звериный стиль, и давно получило надлежащий отклик в литературе (Грязнов М.П., Кляшторный С.Г., 1966). К сожалению, А.С. Аманжолов воспользовавшись некорректным определением времени появления азиатского рунического письма, допущенным С.Г. Кляшторным, пренебрег и археологическим заключением М.П. Грязнова. В результате "прочтение" уцелевших линий изображения было, с натяжками, приближено к его образу (aq suqun (suqun) – "белый олень, марал") и повлекло целый экскурс о сакральной роли оленя (Аманжолов А.С., 1975, с. 32–34; 1985, с. 5–16).

Перед нами не курьез, а проявление широко существующего в тюркологии облегченного источниковедческого подхода к древним начертаниям. Осознаем: *возможности надуманного прочтения по-тюркски всяких произвольно взятых резов существуют реально*. Ибо редкие системы письма в такой степени, как руническое (опускавшее гласные звуки во многих позициях), и редкие языки в такой степени, как тюркские (отличающиеся множеством слов, состоящих лишь из одного слога), благоприятствуют произвольному подходу. Дело усугубляется простой линейной формой самих рунических знаков – сходство с ними при желании легко обнаружить в любых геометрически несложных фигурах или их частях. Следуя этим возможностям и этому методу, А.С. Аманжолов расценивает как тюркоязычные надписи ряд наскальных начертаний ущелий Терексай, Садыр и Надыр, изображение на перстне из погребения у с. Николаевка (Аманжолов А.С., 1985, с. 17–30). От некоторых первоначальных прочтений лингвист теперь отказывается сам: признает, что напрасно принял за тюркскую надпись вырезанные в ущелье Терексай цифры "1942". Указывает он и на ошибки, допущенные другими филологами Казахстана (Аманжолов А.С., 1985, с. 4, 17, прим. 1). Но у всех этих заблуждений общая природа – нельзя сказать, что они характеризуют одного автора или конкретную филологическую школу. Так, тюркологом И.А. Батмановым и его коллегами были приняты за надписи и "прочитаны" по-тюркски изображения скифского времени на двух стелах раннего железного века из Тувы (Батманов И.А. и др., 1962, с. 25–27) – ситуация, усугублявшаяся рядом археологических ошибок и также уже разобранная в литературе (Кызласов Л.Р., 1977).

Облегченный палеографический подход, явно подчиненный заранее заданной цели, полностью дискредитирует не только проводимые языковедами разыскания, но и саму определяющую их идею. В этом заключается слабость всех (уже не редких в литературе) подобных попыток прочесть по-тюркски многочисленные надписи и начертания, относящиеся к периоду ранее VIII в.⁴

Отсутствие источниковедческой строгости нередко встречается и в работах археологов, касающихся обсуждаемой проблемы. Приведу для примера показательное высказывание известного востоковеда: "Подлинной научной сенсацией является обнаружение в могильнике Чаа-Холь (в Туве, – И.К.) двух образцов неизвестной письменности, относящейся к хуннскому времени. Не исключено, что перед нами первые памятники хуннской письменности, предтечи тюркской руники..." (Массон В.М., 1983, с. 9). Между тем нет серьезных оснований полагать, что могильник Чаа-Холь

⁴ Понятно, что ошибки такого рода характерны и для понимания многих более поздних средневековых изображений и знаков, но их рассмотрение не входит сейчас в мои задачи.

(гуннского времени) оставлен самими центральноазиатскими гуннами; что письмо гуннов бывшее, кстати, судя по всему, иероглифическим (Кызласов Л.Р., 1992, с. 56–58), явилось прототипом азиатской рунической письменности; что между собственно гуннами и тюрками существовала преемственная связь. Нет сомнений в большой значимости самих упомянутых находок (остающихся недоступными для эпиграфистов и все еще по-хорошему не опубликованных), но есть сомнения в необходимости источниковедчески не обоснованных утверждений, исходящих от специалистов и способных в силу этого стать основой для дальнейших построений менее сведущих лиц.

Необходимо предостеречь также от легких оценок и сравнений, нередко, к сожалению, допускаемых в отношении различных знаков даже хорошими археологами. Пример необязательного утверждения находим, скажем, в описании меток на костяных наконечниках стрел раннего железного века: "Отдельные знаки даже (выделено мною. – И.К.) напоминают буквы известной надписи из Иссыка или буквы арамейского, или прототюркского письма" (Кубарев В.Д., 1995, с. 101). Весьма показательно, что это "даже" относится к довольно простым фигурам. Загадкой остается, что подразумевается здесь под прототюркским письмом. Но главное состоит в том, что резные метки на костяном оружии, в том числе на наконечниках стрел, вообще никак не связаны с письменностью и известны с эпохи мезолита (Ошибкина С.В., 1992, с. 25–27, рис. 32–35). Не имеют отношения к письму и насечки на игральных костях-альчиках таштыкской культуры I в. до н.э. – V в. н.э. или знаки, прочерченные по еще сырой гуннской черепице начала I в. до н.э. и, по мнению столь авторитетного исследователя, как С.В. Киселев, "предвосхищающие орхонские" (Киселев С.В., 1951, с. 463, 480), а также любые другие подобные метки.

Ради прояснения ситуации обратимся туда, где знаки-метки подобны рассматриваемым, а письмо никак не похоже на руническое. Таковы древности Китая. Среди многочисленных знаков на неолитической керамике здесь легко отыскать группу точных соответствий ряду орхонских и енисейских букв. Но, как выясняется, эти специальные отметки не имеют никакого отношения даже к ранней иероглифике (Гао Мин, 1989). В отличие от письменных облик этих графически несложных знаков не меняется веками. Совершенно ясно, что они имели иное назначение, чем письмо.

В этом ином назначении знаков-меток заключена главная причина несостоятельности известной теории происхождения рунического письма из тамг. Давно сформулированная (Шифнер А.А., 1855, с. 605; Аристов Н., 1894, с. 410, 418–421; Маллицкий Н., 1897–1898), эта гипотеза и до сих пор находит сторонников среди людей, желающих показать автохтонность тюркоязычной рунической письменности в Азии (см. напр.: Батманов И.А., 1963, с. 8).

Заходя вперед, замечу, что тщательное палеографическое исследование средневековых тюркских рунических памятников, выявляет источники для постижения древнейших периодов истории этой письменности, делающие совершенно ненужными разнообразными натяжки и ухищрения, какое-либо использование всяких мало-мальских сомнительных материалов.

Не только памятники материальной культуры, но и письменные источники, оставленные соседями древних тюркоязычных народов, не предоставляют надежных сведений по интересующей нас проблеме.

В китайских хрониках "Чжоу шу" (составлена по архивам 557–581 гг., завершена в 629 г.), "Суй шу" (архивы 581–617 гг., окончена частями в 629–636 и 641–656 гг.) и "Бэй ши" (архивы 386–617 гг., дописана в 659 г.) письменность у народа *türk* отмечается при повествовании о событиях второй половины VI в. Об этом сказано практически одними и теми же словами: "Их письмо подобно хускому" (Бичурин Н.Я., 1950, Т. I, с. 231; Liu Mau-tsai, 1958, В. I. S. 10; Боровкова Л.А., 1992, с. 98). Однако нельзя сказать, какая письменность имеется в виду: термин "ху", как известно, не был связан с конкретным народом, а служил китайцам для обозначения всех "западных варваров". Для Иакинфа Бичурина это были сами тюрки, и он видел здесь намек на

происхождение монгольского письма от уйгурского (Бичурин Н.Я., 1950, Т. I, с. 231, прим. 1), для А.Н. Бернштама – "главным образом согдийское население" (Бернштам А.Н., 1950, с. XXXIX, XLVIII, XLIX), для Лю Маоцяя и С.Г. Кляшторного – согдийцы и соответственно речь могла идти об "уйгурском" курсивном либо (предпочтительнее) даже о руническом письме (Кляшторный С.Г., 1964, с. 49). Л.А. Боровкова приводит соображения в пользу того, что хуской здесь была названа письменность тюркоязычных теле, которые и передали ее тюркам при создании Первого Тюркского каганата (Боровкова Л.А., 1992, с. 97–99).

Византийские источники подтверждают существование у тюрков письменности уже в 60-х годах VI в. Менаандр Протектор сообщает, что каган "Дизавул (тюркское имя. Истеми/Эштеми. – И.К.) отправил Маниаха и несколько турков (тюрков. – И.К.) в посольство к римлянам с письмами, приветствиями и подарками". По прибытии в 568 г. в Константинополь возглавлявший миссию согдиец Маниах "вручил письма и подарки приставленным к тому чиновникам... Царь (император Юстин II. – И.К.), прочитав через переводчиков скифское письмо, принял посланников весьма благосклонно" (Менаандр Византиец, 1860, с. 373, 374). Примененная в этом случае письменность также не может быть определена – историк назвал ее "скифскими письменами" (Кляшторный С.Г., 1964, с. 48), что в устах ромеев практически равнозначно понятию "хуские письма" у китайского царедворца. Известно еще одно византийское свидетельство, которое обычно относят к 598 г. (хотя есть мнение, что в основе его события 583 или 600 гг.), о том, что "тот, которого тюрки на востоке почетно называли каганом, отправил к императору Маврикию (582–602 гг. – И.К.) послов, направив с ними письмо, в котором были описаны с великим восхвалением все его победы. Начало этого письма слово в слово было следующее: "Царю ромеев каган великий владыка семи племен и повелитель семи климатов вселенной" (Феофилакт Симокатта, 1957, с. 159).

О письменности тюрков VI в. имеются и иные упоминания: согласно переводам Н.Я. Бичурина, в китайских источниках идет речь о распространении тюркской письменности в Гаочане (Восточный Туркестан; об отнесении этих данных к народу теле см.: Боровкова Л.А., 1992, с. 97–99), в Судэ (Приаралье), Фуби, а в VII в. и в Кане (Самарканд) (Бичурин Н.Я., 1950, Т. II, с. 253, 262, 272, 281). В "Бэй ши" говорится о том, что в Кане "находится тюркское уложение, хранимое в храме" (Бичурин Н.Я., 1950, Т. II, с. 271). Известно также, что каган Тобо (Таспар) (572–581 гг.) получил из Северного Ци (550–578 гг.) "Нирванасутру", переведенную на тюркский язык и снабженную специальным предисловием (Габен А. фон, 1986, с. 170). Была ли это транскрипция китайскими знаками, применялось ли руническое, согдийское или уже "уйгурское" письмо, остается неизвестным (Gabain A. von, 1954, S. 164).

Можно привлечь сюда и некоторые сугубо лингвистические данные. Так, употребление тюркского слова bitigçi – "писарь" отмечается уже для эпохи Северного Вэй (386–535 гг.) (Gabain A. von, 1954, S. 164). В документе В-8 из замка на горе Муг, составленном при Чыкын Чур Бильге – предшественнике Деваштича (т.е. до 708 г.), написание тюркского слова bilgä в согдийской форме βulk (через β, а не ρ) "может указывать на то, что писец находился под влиянием написания этого слова тюркским руническим письмом" (Лившиц В.А., 1962, с. 45).

Зададимся простым вопросом: почему наиболее ранние свидетельства о письменности исследователи отыскивают в описаниях народа türk⁵? Потому что мы не уверены в тюркоязычности иных современных ему или более древних народов, имена которых сохранили (в транскрипциях с неизбежными звуковыми искажениями) лето-

⁵ Излишне обобщенный взгляд на тюрков и их историю порождает ошибочное восприятие памятников рунического письма даже вполне знающими людьми: "Когда... руника была прочитана... оказалось, что еще в VI в.н.э. кочевники имели оригинальную письменность, государства" (Сагалаев А.М., Крюков В.М., 1991, с. 112). Здесь спутаны Первый Тюркский каганат, возникший в VI в., и Второй Восточнотюркский каганат (конец VII – середина VIII в.), к которому относятся расшифрованные В. Томсеном орхонские надписи.

писи Китая? Тот, кто уверен, в тюркоязычности жуань-жуаней (аваров) или гуннов, обращается и к ним. Но я не имею здесь в виду личную уверенность, а веду речь только об общепризнанных в науке отождествлениях, подкрепленных системой доказательств.

Для ответа на вопрос необходимо осознать причины иной широко распространенной в рунологии позиции. Из работы в работу перемещается уверенность в том, что орхонское письмо и его памятники представляют вершину письменной культуры, созданной раннесредневековыми тюркоязычными народами. Памятники енисейского и таласского письма выдаются за культурную окраину, которой присущи недоразвитость и в силу этого подражательность, стремление походить (иногда чисто внешне, имитационно-механически) на "царские" стелы собственно тюрков. При этом подразумеваются или прямо называются памятники Кюль-тегину, Бильге-кагану и Тоньюокуку.

Орхонские стелы, действительно, были выполнены весьма художественно и содержат обширные тексты. Но вместе с тем известно и о прямом участии в изготовлении некоторых из них специально присланных мастеров китайского двора. Вполне очевидно (и об этом еще придется говорить) общее сильнейшее влияние как на облик тюркских орхонских эпитафий, так и само содержание обряда их установки имперской эпитафийной традиции Китая. Казалось бы, при такой ситуации необходимо разобраться в том, что является исконным или традиционным для памятников рунического письма, а что привнесенным. Иными словами, понять, какие черты более древние, а какие более новые. Но исследовательское сознание оказывается подчиненным сложившейся рутине: общество тюрков – вершина развития раннесредневековых тюркоязычных народов.

Здесь нет места обсуждать, отвечает ли этот взгляд действительности. Важно понять, что он порожден не анализом самих памятников рунической письменности, а вызван приматом известных событий политической истории той эпохи (созданием тюрками, но ведь при активнейшем участии теле – огромного Первого Тюркского, а затем и Второго Восточнотюркского каганатов), т.е. привнесен из смежной исторической дисциплины. Выявлению скрытых в самом эпиграфическом материале историко-культурных свидетельств и посвящена настоящая статья.

2. О древнейшей форме рунического алфавита

Мною выполнена специальная работа для обоснования положения о бытовании в раннем средневековье не одной общей руноподобной письменности или ее локальных вариантов, а нескольких (семи-восьми) самостоятельных алфавитов. Между ними есть и родственные друг другу азбуки, но в целом их многообразие, вероятно, восходит к двум совершенно разным письменным системам. Происходящие от одного корня донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты, согласно своему ареалу, названы евроазиатской группой степного рунического письма⁶. Восходящие к другому корню орхонский, енисейский и таласский алфавиты по тому же признаку названы азиатской группой (Кызласов И.Л., 1990; 1994).

Установление палеографических основ лишает доказательности предлагавшееся в литературе определение известных рунических письмен Восточной Европы или Средней Азии как архаичной формы, изменением которой была получена орхонская письменность. Для евроазиатских и азиатских рун следует искать отдельные корни. В отношении евроазиатских письмен такую работу пока выполнить невозможно, поскольку они представлены малым числом кратких надписей, все еще остающихся недешифрованными (в связи с чем не приходится настаивать и на тюркоязычности всех этих текстов). Но для азиатских рунических письменностей: орхонской, енисейской и таласской – проблема вполне может быть поставлена.

Таласское письмо складывается позднее двух других азиатских рунических азбук на некоем местном письменном субстрате (ачикташском?) под сильным воздействием

⁶ Малочисленность материалов определяет условность выделения исфаринского алфавита.

№ знака	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Значение	aš	iē	nj	iš	iq	tü	dä/ed	mi	ä	e	g	γ	š	n²	?	ʒ	
Памятники	E56	□						⊗	Y								
	E49			⊗	⊗	⊗ ₂	⊗ ₂		Y	Y							
	E42		Y	Y													
	E41	□ ⁹ □ ₅	Y ₅	Y ₂	⊗ ₂	⊗ ₂		⊗ ₃	Y		Y ₁₂		Y ₄	Y ₁			
	E16	□ ₂									Y	Y					
	E15	□						⊗ ₃	Y	Y			Y ₂				
	E55	□														⊗ _?	
	E58	◇ ₅	Y		⊗				⊗	Y	Y			Y			Y ₄
	E2				⊗	⊗			⊗ ₂	Y	Y						

Рис. 1. Знаки верхнеенисейского письма и их значения. Цифра у знака указывает количество его употреблений в надписи

енисейского алфавита. Поэтому при поиске изначальных азиатских рун оно не рассматривается.

От момента открытия в 1721 г. и до 1960 г. основой для поиска проторунического письма служили знаки енисейской письменности, памятники которой до 1889 г. были единственно известными, а затем считались самыми ранними. После работ Л.Р. Кызласова, показавшего, что подавляющее большинство енисейских эпитафий относится к IX–X вв. (Кызласов Л.Р., 1960; 1965), отправной точкой сравнительных изысканий стали орхонские тексты Второго Восточнотюркского каганата VIII в. (Clauson sir G 1970; Кормушин И.В., 1975; Лившиц В.А., 1978). Поскольку рунические знаки по облику и численности не имеют подобий среди иных письменных систем Азии, и их построение чрезвычайно точно передает звуковые особенности тюркской речи, исследователи были убеждены в сознательном создании рунического (орхонского) алфавита путем видоизменения какой-либо одной или сразу нескольких известных азбук, произведенного незадолго до VIII в.

Ныне есть основания считать, что азиатским рунам напрасно отказывалось в длительном историческом развитии.

Ситуация начала проясняться с выработкой строгого палеографического взгляда на памятники. Среди знаков енисейских надписей, ранее воспринимавшихся как пестрое и неустойчивое скопление, была выделена локальная группа, свойственная только эпитафиям Тувинской котловины (Кызласов И.Л., 1991, с. 78–81; 1994, с. 93–98). Без учета этой группы енисейская азбука предстала стройным и строгим построением, а выделившиеся памятники Тувы оказались смешанными в алфавитном отношении (тувинский вариант енисейского письма). Поскольку буквенное своеобразие отмечается в девяти надписях VIII–XI вв., оно является устойчивой местной чертой, уже существовавшей ко времени захвата бассейна Верхнего Енисея древнехакасскими феодалами в IX в. Выходит, что раннесредневековому тюркоязычному населению Тувинской котловины была известна некая руническая письменность, буквенный состав

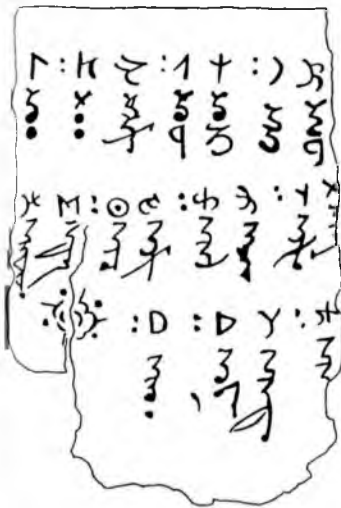

Рис. 2. Манускрипт Тойок I. По воспроизведению А. фон Лекока

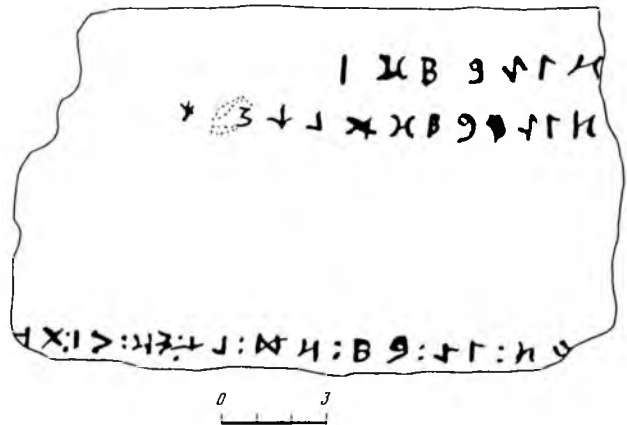

Рис. 3. Манускрипт из библиотеки Рюкоку. По воспроизведению О.Ф. Серткаи

которой отличался от собственно енисейского письма. Она продолжала использоваться после включения этих земель в Древнехакасское государство, в условиях официального введения енисейской рунической азбуки. Знание местными писцами и резчиками двух различных алфавитов привело к появлению надписей, смешанных в палеографическом отношении.

Выявленное по отдельным следам, но целиком пока неизвестное письмо предложено называть верхнеенисейским. Его отличием служит не только применение своеобразных знаков, но и их характерное звуковое значение. Половина обнаруженных верхнеенисейских рун обозначала не звук, а слог (Кызласов И.Л., 1994, с. 116–124) (рис. 1).

Следующим шагом было изучение буквенного состава двух раннесредневековых надписей орхонского алфавита, некогда сделанных с учебными целями в манихейских общинах Восточного Туркестана. Так называемые манускрипты Тойок I (Ze Coq A. von, 1909, S. 1048–1052, taf. IX) и библиотеки университета Рюкоку (Akira Haneda, Nobuo Yamada, 1961, p. 198, fig. 29; Sertkaja O.F., 1994, S. 177) сохранились частично (рис. 2 и 3), но со всей очевидностью показывают твердый и очень самобытный порядок расположения письменных знаков в рунической азбуке (рис. 4). Незнакома и манера группировать руны по две, попарно отделяя их слворазделительными отметками.

Частично восстановленная благодаря двум рукописным обрывкам орхонская азбука – в том виде, как ее знали сами средневековые писцы, – оказалась весьма отличной от той, которая известна современной науке по надписям. В алфавитном ряду стояло в значительно больше знаков (около 48), нежели применялось при письме (38 форм) (Кызласов И.Л., 1994, с. 109–115). Такое расхождение между письменными памятниками и орхонской азбукой невозможно объяснить, считая рунический алфавит актом недалекого от VIII в. изобретательства. Но оно становится вполне понятным, если признать эволюционный, постепенный, длительный путь развития этой письменности.

В алфавит всякой исторической письменности входит большее число букв, чем применяется на практике. Чтобы не ходить далеко за примерами, предлагаю отыскать в тексте этой статьи знак ё, все еще существующий в русской азбуке, вспомнить долго сохраняемые кириллицей буквы *омега*, *кси*, *пси*, *фита*, *ижица*, излишние для славянских языков. Аналогично в греческом алфавите уцелели семитские *вав*, *цаде*, *коф* (соответственно *вау* или *дигамма*, *сан* и *коппа*), с периода классики имевшие лишь цифровые значения. По традиции в согдийском алфавите обозначались арамейские *оалет*, *тет*, *каф*, *айн*, не обнаруженные в известных текстах, и т.п.

№	Т	Р ³	Р ²	Р ¹	№	Т	Р ³	Р ²	Р ¹	№	Т	Р ³	Р ²	Р ¹	№	Т	Р ³	Р ²	Р ¹	
	≡					∴					∴					∴				
1	ᠰ				9	ᠶ	ᠶ	ᠶ		17	ᠶ				25	ᠮ				
2	)				10	ᠪ	ᠪ	ᠪ		18					26	ᠶ				
	∴					∴					≡	∴			27	≡				
3	ᠮ				11	ᠬ	ᠬ	ᠬ		19	ᠬ	ᠬ			37	≡				
4	1				12	ᠬ	ᠬ			20	ᠶ				38	ᠬ				
	∴					∴					∴	∴			39	∴				
5	ᠶ	ᠶ	ᠶ	ᠶ	13	ᠵ	ᠵ			21	ᠶ	≡			40	ᠶ				
6	ᠬ	ᠬ	ᠬ	ᠬ	14	ᠵ	ᠵ			22	ᠶ				41	ᠶ				
	∴					∴					∴	∴			42	∴				
7	ᠵ	ᠵ	ᠵ	ᠵ	15	ᠶ	ᠶ			23	ᠶ				43	ᠶ				
8	≡	ᠶ	ᠶ	ᠶ	16	ᠶ	ᠶ			24	ᠶ				44	ᠶ				

Рис. 4. Орхонский алфавит по раннесредневековым рукописным записям из Восточного Туркестана. Т – Тойок I, P1-P3 – фрагмент из библиотеки Рюкоку (строки 1–3)

При изучении рунических надписей далее оказалось, что на письме (уже в VIII в., во Втором Восточнотюркском каганате) не использовались (но в азбучном списке сохранялись) как раз те знаки, которые мы отнесли к верхнеенисейской письменности Тувы (ср. рис. 1, № 2, 4 и рис. 4, № 3, 12). В единичных случаях в орхонских надписях также применены верхнеенисейские руны: среди огромного числа многострочных надписаний только в тексте стелы Тоньюкука (и только однажды, строка 8) встречен знак № 1 на рис. 1 (не отраженный в уцелевших фрагментах азбук); только в рукописи "Книги гаданий" (Yrq bitig) применен знак № 1 на рис. 4 (в Туве вырезан на двух памятниках, по палеографическим признакам не включенным в рис. 1, – E 7,1 и E 45,3).

Из этого следует единственный возможный вывод: *орхонское письмо Второго Восточнотюркского каганата представляет не самую раннюю форму древнетюркской рунической письменности. Оно является реформированным верхнеенисейским письмом.*

Отличие состоит в отказе от употребления ряда письменных знаков. Все эти руны (кроме знака для открытого *ä* – рис. 1, № 9) обозначали не отдельный звук, а слог. Это не означает, что все знаки, читавшиеся как слог, были вообще исключены из письма. Многие остались и хорошо знакомы нам по орхонским стелам и рукописям – таковы руны *uq/qu, oq/qo, ök(ük)/kō(kü)*. Продолжали применяться и буквы, воспроизводящие сочетания согласных: *nt/nd, nč, nj, lt/ld*. Однако очень показательным и важно проследить, как со временем изменялось их употребление в текстах.

Развитие орфографии внутри орхонского письма от VIII к X в. в интересующей нас части следует явной, нарастающей тенденции свести значения букв, воспроизводящих сочетание двух звуков, до передачи одного. Так, первоначально заключенный в самом слоговом знаке гласный звук начинает обозначаться на письме отдельной буквой. Сохраняя прежние значения букв, выписанные таким образом слова приходится транслитерировать *quuq* (вместо *quq*) – "сорок", *quul* (вместо *qu*) – "раб", *kōök* (вместо *kōk*) – "голубой", *türük* или *türkü* (вместо *türk*) – "тюрк" и т.п. (Мелиоранский П.М., 1899, с. 26, 27). Этот выход гласного за пределы двузвучных рунических знаков свидетельствует о постепенном переходе орхонского письма к настоящему алфавитному принципу: один знак – один звук. Еще в большей степени на это указывает дублирование на письме согласного, который и так бы читался при традиционном восприятии двузвучного знака. Например, в *Yrq bitig* нередко встречаем начертание дополнительного *n* перед руной *nč*.

Как видим, реформирование доорхонского (верхнеенисейского) письма в орхонское было подчинено той же тенденции, что и дальнейшее развитие самой орхонской письменности – сокращению применения слогового принципа письма.

Обнаружив этот путь развития орхонской рунической письменности в VIII–X вв. (в енисейском письме двузвучных знаков было меньше, но эволюция орфографии в целом та же), пойдем по нему вспять. Тогда мы увидим, что основное противоречие в построении азиатской рунической письменности (и орхонской, и енисейской) заключается в подчинении не одному, а одновременно двум принципам передачи звуков. Часть знаков воспроизводит один звук (b, d, j, l, п и т.д.), а часть – сочетания двух. При этом для записи большинства отдельных согласных звуков, как известно, имеется пара рунических знаков (один b, d, j и т.д. для слов с мягкими, а другой b, d, j и т.д. – твердыми гласными).

Изложенное делает очевидным, что это внешнее соединение двух принципов письма могло явиться результатом единого эволюционного процесса, происходившего во вполне однородной письменной среде. Достаточно предположить, что эта письменная среда представляла собою слоговую (силлабическую) письменность. Ее быстрое развитие плавно вело к алфавитному принципу письма, отличалось постепенным сокращением числа слоговых знаков и приданием им значения однозвучных рун. Как мы только что видели, именно этот процесс продолжается еще и на стадии формирования и существования орхонского (и енисейского) письма.

Наша гипотеза одновременно объясняет и природу формирования системы пар знаков для мягко- и твердояранных согласных, и сохранение в письменности некоторых двузвучных знаков. Пережитком былого слогового принципа проторунического письма является наиболее длинный ряд из букв для k: qu, qo(u), kō(ü), q[a], k[ä].

Стоит учесть слоговые знаки доорхонского верхнеенисейского письма, и мы получим несколько пережиточных цепей из трех или двух звеньев каждая: ty – t[a] – t[ä], š[y?] – ša – š[ä], d[e?] – d[a] – d[ä], s[a] – s[ä] – sy(?), či – č[a?], mi – m[a?], p[ä] – po.

Новая разработка проблемы происхождения азиатских рунических письменностей как длительного, до конца не завершившегося процесса перерождения слогового письма в алфавитное позволяет построить таблицу выявляемых знаков исходной и пока неведомой проторунической слоговой письменности (рис. 5). Ее собственных памятников наука сегодня не знает. Но и эпоха, когда она могла существовать, остается неизвестной. Отражившиеся в раннесредневековой рунической письменности этапы ее истории указывают на очень длительный период развития и значительную изначальную древность (удается почувствовать, что слоговая природа рун первоначально была связана с передачей открытого, а затем закрытого слога) (Кызласов И.Л., 1994, с. 124–138).

Намечаемая картина не представляет ничего необычного в сравнении с известными ранними этапами существования и развития западноазиатских письменностей (Гельб И.Е., 1982). Своеобразие проторунического письма состоит в том, что его слоговые знаки передают стечение согласного с определенным по рядности главным, в то время как все известные западносемитские силлабарии выражают соединение согласного с любым гласным звуком. Для того чтобы прийти к руническому принципу письма, число знаков в таких силлабариях пришлось бы увеличить едва ли не вдвое. Но, как показано, реконструируемое направление развития проторунического письма обратное – число применяемых знаков, демонстрирующих качество сопряженного гласного, здесь постоянно сокращалось.

Остается предположить, что в глубокой древности в Средней Азии получила распространение иная традиция слогового письма, изначально не связанная с силлабариями египетско-семитского типа и развивавшаяся параллельно с их широко распространенными производными – арамейским и греческим алфавитами. В то время как последние хорошо известны науке, самостоятельная линия эволюции проторунического типа сегодня доступна для изучения только по своим поздним и последним вет-

звук	e	i	a	ä	o	ö	—
—	⌘	∇	∇	∇	∇	∇	∇
k	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
t	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
š	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
s	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
d	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
c	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
m	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
p	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
b	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
g	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
j	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
l	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
n	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
ŋ	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
z	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
č	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
nj	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
nd	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
ld	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇
словоразделитель	∇	∇	∇	∇	∇	∇	∇

Рис. 5. Выявленные знаки проторунического слогового письма-предка орхонской и енисейской письменностей. Звездочка означает, что облик знака мог быть более архаичным, знак вопроса указывает на то, что знак мог занимать в строке иное место

вям: раннесредневековым азиатским руническим письменностям тюркоязычных народов.

Но означает ли это, что проторуническая письменность изначально связана именно с этой языковой семьей? По-видимому, нет.

Насколько известно языкознанию, в древнейшем состоянии тюркских языков и многочисленные краткие слова, и средства их изменения имели вид закрытого слога (Щербак А.М., 1970 с. 193–198). Следовательно, наиболее ранняя восстанавливаемая стадия письма со знаками, передававшими открытый слог, не должна иметь отношения к тюркским языкам. Столь отвечающий сингармонизму тюркской речи принцип парного обозначения согласных рунами также, вероятно, выработался до появления тюркоязычных написанией. Это мнение основано на наблюдаемой постепенной и явной утрате зависимости знаков от характера гласных звуков в слове. Такой процесс восстанавливается уже для доорхонской ступени существования рунического письма. Очевидно, не могут быть связаны с тюркской языковой средой две другие особенности рун. Во-первых, применение общего знака сразу для двух губных гласных (как для о и для u, так и для ö и для ü) не отражает

самостоятельности этих звуков в тюркской речи, бывшей и на стадии праязыка значит, оно порождено иной языковой общностью, имевшей лишь один – узкий или широкий – губной звук. Во-вторых, специфически тюркского характера не носят течения согласных, для обозначения которых были введены (и сохранены) особые рунические знаки. Попытка на почве тюркских языков отыскать смысл в объединении знаков в рунической азбуке по парам (рис. 2–4) также не удается (Кызласов И.Л. 1994, с. 138–140).

Итак, насколько можно судить, появление рунической письменности у древних тюркоязычных народов есть все же результат заимствования. Причем система письма была, по-видимому, воспринята целиком, без заметных сегодня изменений. Творческий характер такого заимствования заключался, надо полагать, в выборе из многих письменных систем, имевшихся в неведомую нам эпоху, именно той, особенности построения которой в наибольшей степени соответствовали закономерности тюркской речи. С этой точки зрения руническое письмо, как известно, оказалось наиболее совершенной письменностью.

Вполне понятно, что сегодня нельзя назвать ни имени того тюркоязычного народа ни названия того государства, для которого было впервые введено в обращение руническое письмо. Им не был народ с самоназванием *türk*, который создал сначала Первый, а затем и Второй Восточнотюркский каганаты. Показанные палеографические основания позволяют утверждать, что орхонская письменность, бывшая официальной во Втором Восточнотюркском каганате и заимствованная от него Уйгурским каганатом, является самой молодой из известных. Енисейская письменность (судя по большому числу знаков для гласных и некоторых согласных) восходит к более

архаичной ступени, чем орхонская. Но самый древний облик сегодня представлен, пожалуй, верхнеенсейским письмом, следы которого обнаружены в Туве.

Верхнеенсейская письменность была присуща чикам – аборигенному населению Тувинской котловины (археологию чиков и свод письменных источников по их ранне-средневековой истории см.: Кызласов Л.Р., 1969, с. 22, 23, 50–52, 57, 58, 79, 80, 84, 86. 112–114). Об этом надежно свидетельствуют археологические и эпиграфические данные, связанные с письменным памятником Уюк-Аржан (Е 2), – обряд курганного захоронения, у которого он стоял, и облик личного тамгового знака, сопровождающего текст на стеле (Кызласов Л.Р., 1960, с. 97–100). На это указывают и композиционные особенности надписи, о которых речь пойдет в части III статьи, а также ареал самого письма (Кызласов И.Л., 1991, рис. 5; 1994, рис. 9). Условия, при которых чики восприняли и сохранили это письмо, остаются пока неизвестными. Нельзя назвать и времени прихода к ним верхнеенсейской письменности. Но, учитывая вышеизложенное, вероятно, это произошло до создания Второго Восточнотюркского каганата (682 г.).

Не приходится связывать верхнеенсейское письмо и с более ранним Первым Тюркским каганатом (552–630 г.), поскольку государственной письменностью в нем была согдийская скоропись. Насколько известно, записи велись на согдийском языке (предположение о письме по-тюркски (Кляшторный С.Г., 1992, с. 328) пока не подтверждено документами). Об этом свидетельствуют Бугутская стела третьей четверти VI в. (Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971; 1978; Kljaštornyj S., Livšic V.A., 1972), а также тот факт, что согдийское письмо было официальным и в сменивших эту державу тюркских государствах Средней Азии. Его знаками (на согдийском языке) были, например, сделаны надписи на монетах тюркешских каганов (около 740–766 г.) (Кызласов Л.Р., и др., 1958). По-видимому, именно к воспринятой Первым Тюркским каганатом согдийской письменности и относятся приводившиеся утверждения китайских хроник: "Их письмо подобно хускому". Официальный статус согдийского письма позволяет полагать, что оно утвердилось в каганате до обращения кагана Таспара к буддизму (574 г.), несшего с собою письмо брахми. Внутри этой согдотюркской традиции, можно думать, и сложилась та форма скорописи, которая предназначалась для письма на тюркских языках и обычно именуется уйгурской письменностью. Наиболее ранний ее памятник, исходя из его содержания, ныне может быть отнесен к VIII в. Он был составлен и водружен в соответствии с "рунической" поминальной традицией и найден на одном курганном поле с другой, собственно рунической эпитафией (Щербак А.М., 1961; Кляшторный С.Г., 1961).

Как видим, палеографические исследования азиатских рун не только формируют новый взгляд на их происхождение и развитие, но и ставят новые вопросы перед востоковедами: и историками, и археологами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишев К.А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана.
- Аманжолов А.С., 1965. Древнетюркская руническая надпись из Прииртышья // Народы Азии и Африки. № 3.
- Аманжолов А.С., 1967. Еще раз об иртышской надписи // Вестн. АН КазССР. № 9.
- Аманжолов А.С., 1971. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты // Вестн. АН КазССР. № 12.
- Аманжолов А.С., 1975. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата.
- Аманжолов А.С., 1985. Тюркская руническая графика. III. Алма-Ата.
- Аристов Н., 1894. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV.
- Батманов И.А., 1963. Введение // И.А. Батманов, А.Ч. Кунаа. Памятники древнетюркской письменности Тувы. Вып. I. Кызыл.

- Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф., 1962. Современная и древняя енисейка Фрунзе.
- Бернштам А.Н., 1950. Н.Я. Бичурин (Иакинф) и его труд "Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена" // Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.
- Бичурин Н.Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, II. М.; Л.
- Боровкова Л.А., 1992. Проблема местоположения царства Гаочан. По китайским историческим источникам. М.
- Васильев Д.Д., 1983. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л.
- Габен А. фон, 1986. Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. Вып. I. М.
- Гао Мин, 1989. О насечках на керамике и об истоках китайской иероглифической письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. М.
- Гельб И.Е., 1982. Опыт изучения письма. Основы грамматики. М.
- Грязнов М.П., Кляшторный С.Г., 1966. Надпись или олень? По поводу одной публикации // Народы Азии и Африки. № 2.
- Древнетюркский словарь, 1969. Л.
- Дьяконов И.М., 1979. Комментарии // И. Фридрих. История письма. М.
- Киселев С.В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кляшторный С.Г., 1961. К историографической оценке Уланкомской надписи // ЭВ. Вып. XIV.
- Кляшторный С.Г., 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- Кляшторный С.Г., 1992. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1971. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. 10. М.
- Кляшторный С.Г., Лившиц В.А., 1978. Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // Археология и этнография Монголии Новосибирск.
- Кормушин И.В., 1975. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // СТ. № 2
- Кубарев В.Д., 1995. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая // Изучение памятников археологии Алтайского края. Ч. 1. Барнаул.
- Кызласов Л.Р., 1960. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. № 3.
- Кызласов Л.Р., 1965. О датировке памятников енисейской письменности // СА. № 3.
- Кызласов Л.Р., 1969. История Тувы в средние века. М.
- Кызласов Л.Р., 1977. "Древнетюркские" неурядицы // СТ. № 5.
- Кызласов Л.Р., 1992. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск.
- Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Шербак А.М., 1958. Монеты из раскопок городища Ам-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. 16. М.; Л.
- Кызласов И.Л., 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М.
- Кызласов И.Л., 1991. Палеографическое исследование азиатских рунических алфавитов // СА. № 4.
- Кызласов И.Л., 1994. Рунические письменности евразийских степей. М.
- Лившиц В.А., 1962. Юридические документы и письма // Согдийские документы с горы Музарт. Вып. II. М.
- Лившиц В.А., 1976. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. М.
- Лившиц В.А., 1978. О происхождении древнетюркской рунической письменности // СТ. № 4
- Маллицкий Н., 1897–1898. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент.
- Малов С.Е., 1952. Енисейская письменность тюрков. М.; Л.
- Массон В.М., 1983. Археологические работы на новостройках и изучение древних культур Древние культуры евразийских степей. По материалам археологических работ на новостройках. Л.

- Мелиоранский П.М., 1899. Памятник в честь Кюль-Тегина // ЗВОРАО. Т. 12.
- Менандр Византиец, 1860. // Византийские историки / Пер. С.Ю. Дестуниса. СПб.
- Михайлова С.В., 1992. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века. Лесная зона Восточной Европы. М.
- Михайлов А.М., Крюков В.М., 1991. Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск.
- Михайлов Симокатта, 1957. История / Пер. С.П. Кондратьева. М.
- Михайлов А.А., 1855. Об этнографической важности знаков собственности // Ученые записки Академии наук, I и III отделение. Т. 3.
- Михайлов А.М., 1961. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // ЭВ. Вып. XIV.
- Михайлов А.М., 1970. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.
- Михайлов Haneda, Nobuo Yamada, 1961. A List of the Manuscript Remains in Uigur Script Preserved in Ryukoku Library // Monumenta Serindica. Vol. 4. Buddhist Manuscripts and Secular Documents of the Ancient Languages in Central Asia. Kyoto.
- Михайлов G., 1970. The Origin of the Turkish "Runic" Alphabet // Acta Orientalia. Т. 32. Copenhagen.
- Михайлов A. von, 1954. Buddhistische Türkmission // Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig.
- Михайлов S., Livšić V.A., 1972. The Sogdian Inscription of Bugut Revised // Acta Orientalia. Т. 26. Fasc. 1. Budapest.
- Михайлов A. von, 1909. Koptürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse. Bd. 41, B.
- Михайлов Mau-tsai, 1958. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tü-küe). Buch I, II. Wiesbaden.
- Михайлов O.F., 1994. Kağıda yazılı Göktürk metinleri ve kağıda yazılı Göktürk alfabeleri // Türk Dili Araştırmaları Yilligi. Belleten, 1990. Ankara.

Институт археологии РАН,
Москва

I.L. KYZLASOV

MATERIALS RELATED TO THE EARLY HISTORY OF THE TURKS

II. THE EARLIEST EVIDENCE OF WRITTEN RECORDS (PART 1)

S u m m a r y

It is not known when and where written records appeared among the Turkic peoples. The earliest records of the so called runic writing date to the 8th century. Attempts to find Turkic inscriptions in the known artifacts of the Early Iron Age of the Hunn-Sarmatian Age are not justified, as the author thinks. These are either unreadable records or signs-marings the very nature of which is not related to written records. The early history of the runic records of Asia is identified through understanding intrinsic peculiarities of the written records proper. They are divided into several independent alphabets out of which two alphabets – Enisey and Orkhon – are analyzed in the paper. The Tuva variant of the Enisey alphabet that has preserved a group of archaic signs (Figure 1) that survived over as an element of the Orkhon alphabets known thanks to two manuscript fragments (figure 2, 3) is singled out in the Enisey alphabet. The order of placement and grouping of the letters does not have any analogues and the number of signs is greater than is known from the runes (Figure 4). Consequently, the Orkhon records is a result of reforms of the earlier records (let us call them the upper Enisey records) that had had a long history by the 8th century. The study of signs that are not used any more (Figure 1) and the analysis of general tendencies of the Orkhon spelling in the 8th and 10th centuries identify original syllable nature of the proto-runic records (See their reconstructed forms in Figure 5). Two stages of their evolution are identified: from showing the open syllable to showing the closed syllable. The further way is a gradual reduction of the signs applied, a smooth (but not completed) transition to an alphabet principle, i.e. one sign – one sound. At first, runes denoted a combination of one consonant and a specific vowel of the same line which make them different from known Egyptian and Semite syllables of the earliest times. Some peculiarities of the earliest runic written records show that at first they were not related to the Turkic languages.